

МЕТАФИЗИКА КАПУСТНИКА

Вадим Жук пытается войти во второй раз в ту же воду

Мне все еще снится 2003 - 1999 - 17 лет - с. 7

Мария Попова

НЕ ТАК давно на сцене Дома актера москвичи видели новую программу вашего театра. Что побудило вас возобновить выступления «Четвертой стены»?

— Возникла внутренняя потребность, ощущение того, что это все-таки мое дело, как сказано у Блока: «Пора приниматься за дело, старинное дело свое...» И потом я очень люблю актеров, с которыми работаю. У меня с ними сложные отношения, но, конечно, движет мною любовь к ним, к их одаренности, к их глупости, к их актерскому обаянию, и я ощущаю, как папаша, определенную ответственность за них. Я приручил их и должен делать им новые игрушки. Сатира устаревает, не устаревают юмор. Я не такой сильный юморист, может быть, как сатирик, то есть у меня лучше получается мгновенный отклик на то, что происходит сегодня. И когда мне удается сделать вещи, более или менее протяженные во времени, меня это очень радует. Значит, мне удалось вступить в высокую область юмора. Это только разговоры о том, что сатира главное юмора. Сегодня большинство из того, что писал Салтыков-Шедрин, кроме философских вещей, конечно, не покажется смешным. Свифт просто скучен, кроме первых двух частей «Гулливера», все остальное можно читать лишь с огромным количеством примечаний. А такого, казалось бы, несомненно, как Джером К. Джером, можно читать все время, потому что он юморист, живой человек, адресуемый к живому человеку, к его слабостям и прелестям.

— А почему вы возобновили несколько старых номеров? Взяли их в новый спектакль?

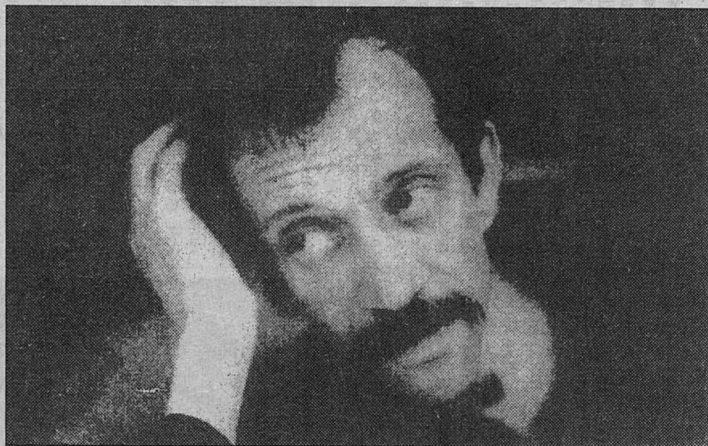
— Например, «Седой погромщик» — это, по-моему, чрезвычайно актуально, к сожалению. Я все время, когда делал это представление, оговаривался, что, увы, этот номер опять актуален. Когда ставил, казалось, все это быстро кончится, наступит, как у Гайдара, счастливая и прекрасная жизнь. Но Гайдар у нас отняли, и долгая счастливая жизнь не очень-то и наступила, да и, собственно говоря, глупо было на это рассчитывать. Скоро только кошки родятся, а не новый общественный строй в таком сложном государстве. И эти старые номера, если они до сих пор вызывают реакцию, причем не только реакцию сожаления, но и смеховую, и сострадательную, то это меня радует. Значит, мне удалось сделать до известной степени, конечно, все-таки философскую сатиру.

— Как началась история «Вадим Жук и капуста»?

— Я капустниками занимаюсь с 1966 года. В институте я сделал первый капустник — «Птицы». Мне тогда было 19 лет. Я учился на третьем курсе театроведческого факультета. Был услужливый хвост «оттепели», за который мы тогда уцепились. Там была пародия на советский праздничный день, от начала до конца. Нехитрый прием. Все происходило как бы не у людей, а у птиц. Мы играли это на институтской сцене, потом — по всему городу и выступали за небольшие деньги, много ли нужно студенту театрального института, пятерку давали — счастливы были.... Пока не наступили из Института Арктики и Антарктики. У меня были крупные неприятности, я был вынужден на заочный перевестись. В капуст-

Театр Вадима Жука — редкое явление по ощущению чистоты жанра, не свойственной ситуации общей сумятицы стилей и направлений в театре и в жизни. «Четвертая стена» — театр капустника.

Театр Вадима Жука — это феерия не для всех. Входным билетом обзавестись всегда сложно, потому что творчество Жука рассчитано на камерное пространство и требует живой, непосредственной реакции, на нее и рассчитано. Но этого недостаточно. Чтобы понять и оценить по достоинству его действо, нужно обладать чувством юмора, любить, а главное, знать театр, из недр которого и рождается прекрасное и легкое искусство капустника, которым Вадим Жук владеет виртуозно.

Вадим Жук.

никах заключался замечательный психологический феномен. Происходило это не оттого, что я и мои товарищи были очень смелыми. Я воспитывался, помимо дома родного, в Коммуне юных фрунзенцев, такая была прекрасная организация, детско-молодежная, где были очень честные люди, и нас учили честности, прямоте. Я верил в коммунистические идеалы, как положено, но я верил в настоящие идеалы, а то, что происходило, не казалось временным... И считал, что если об этом прямо говорить, если над этим смеяться, то это должно пройти. И поэтому тут была не столько гражданская смелость — разорвать тельняху, сколько наивность юношеская, что тоже очень нормальное и живое качество. Потом я стал писать капустники в Доме актера — лучше, хуже... А потом, после того как ездил в Сибирь актером и преподавателем, я собрал группу людей, большинство из которых и составили театр «Четвертая стена». И уже в Новый год в ленинградском Доме актера не представляли, что мы не сделаем капустник. Мы сначала стали структурной театральной музея, просто музей нам помогал организационно, а потом, где-то году в 87-м, мы ушли в свободный полет. За эти годы мы десятки раз выступали в Москве, у нас были гастролы в разных городах. Позже и телевидение заинтересовалось.

— Вы не боялись потеряться? Ведь в Петербурге всегда были замечательные капустники...

— Да, у нас всегда была хорошая культура капустника. Белинский Александр Аркадьевич, когда был помоложе, тоже собирал прекрасных авторов и исполнителей, у него были превосходные капустные номера... Так как мой капустник идет от автора, от литературы, у меня всегда больше «идейности», я постановщик практически никакой. Режиссура у нас идет совместная, может быть, я придумываю 30–35 процентов, остальное — актеры.

— В одной статье ваш театр характеризовали как «синюю блузу демократии», а к какой театральной традиции вы сами себя причисляете?

— К пародийной культурной традиции. Московская «капустная» традиция более кабаретна. А «Кривое зеркало» — это театр репертуарный, в котором иногда ставились откровенно капуст-

ные вещи. По крайней мере, ярчайшая театральная пародия проявилась, конечно, в «Кривом зеркале». А в «Летучей мыши» — гротески, номера, штучки, иногда прелестные, но сатира там если была, то поверхностная.

— А как вы относитесь к тому, что сейчас ваш потенциальный зритель исчезает?

— Людей, чувствующих юмор такого свойства — я не буду говорить «настоящий юмор, тонкий юмор», — всегда было немного, это нормально. Другое дело, что в годы «перестройки», когда мы очень много играли, публика до известной степени обманывала сама себя, думала, что ей все понятно, а снимала только пенки. Это меня всегда и огорчало, я понимал, что настоящая публика — это только театральная публика, для которой и предназначен капустник. Но, с другой стороны, хочется же показать большому количеству народа, хочется убедить в своей шутовской правоте. И ты ищешь аудиторию, выходишь на нее, а она, бывает, совсем немного смешного увидит и поймет. У меня было огромное представление (21 минуту шло, для меня это много), которое называлось «Человек с рублем» — пародия на Ленину, киношную и театральную. Я горжусь этой пародией. Я считаю, что она написана очень тонко и точно. И образ Ленина, который нам бесконечные годы диктовался, спародирован страшно смешно. Но публике было достаточно того, что смеются над Лениным. И из эстетической пародии, которой я, собственно говоря, занимался, получалась политическая игра. Смеялись не в тех местах. Хотя пародия была на все эти пьесы, которые я, как прилежный театровед, великопеном знаю.

— Значит, именно капустник можно назвать делом нашей жизни? Если по большому счету...

— Можно. И я считаю, что жизнь не зря трачу, потому что это театральная пародия, который имеет точно такое же право на существование, как комедия, трагедия, фарс, мюзикл и так далее.

— А что вы больше всего цените в капустнике?

— Мне хочется делать вещи более театральные. Иногда делаешь какой-нибудь номер, а много в нем потом пропадает, потому что люди не знают, откуда я скрыто процитировал, на что намекал. А только про совсем

общепринятое, на мой взгляд, говорить скучно. Ведь этим занимается эстрада.

— А чем занимается Вадим Жук в свободное от выступлений театра время?

— Одно из моих любимых занятий — это шоуменство, но я достаточно интеллигентный шоумен. Да, много интересного: и «Золотой Остап», и фестиваль капустников «Веселая коза» в Нижнем Новгороде... Например, вот, люблю я писать стихи. Но придумаю стихотворение — если сразу не записал, то уже не запишу. От лени. А импровизировать мне всегда доставляет огромное удовольствие. Сказано было Базаровым младшему Кирсанову: «Не говори красиво». Говорить красиво — это одна из моих профессий, я люблю говорить вслух, мне это доставляет огромное удовольствие. Мне в данном случае совершенно все равно, что это услышат два человека, двести, две тысячи. Есть авторы, которые любят свою шутку, сказанную в жизни, немедленно заносят на бумагу, и потом она издается, издается, заносится в мемуары... Для меня это ужасно, потому что шутка — такая пленительная часть жизни и такая мимолетная, что если тебе Бог дал какое-то понимание юмора, то ты одновременно должен понимать и то, чем является юмор для человека, это просто спутник, идущий рядом. Говорение со сцены, с хорошей аудиторией, которая понимает, что ты говоришь, — это просто праздник. А аудитории пока достаточно, не дождутся...

Люди одарены разными чувствами, разумом, разной способностью к сопереживанию, разными причинами для похода в театр. Театр нарезан, как пирог на куски. И ужасно нелепыми кажутся мне критические стрелы по поводу «буржуазного театра»... А в какие времена было не так? В прошлом веке? Когда в Александрийском театре с 32-го, по-моему, по 67-й год прошло около 800 водевилей и 50 мелодрам. В советском театре — сколько такого игралось... А Володина немного, Вампилова немного...

— Мне кажется, что ваше поколение несколько самоизолировалось. И иногда оно занимается тем, что развлекает самое себя. К этому относятся все эти акции и перформансы, все эти галереи...

— Перформансы я не люблю как факт. Это в Москве только, у нас этого нет. Я не люблю вознившегося понятия «стёб». Особенно, если стёб претендует на то, чтобы быть предметом искусства, общественной жизни. Во-первых, высокий стёб требует замечательного, безупречного вкуса, что не всегда получается. Во-вторых, стёб — это очень легкое приближение к смешному. То есть человек думает, что он заявил, что сделает что-то смешное, и это смешным и становится. Это далеко не так, должно быть еще какое-то наполнение. Помимо названия акции и ее оформления должна быть суть, а так просто: «Сегодня я выставляю в Манеже 70 пар левых ботинок» — и выставил эти ботинки. Написал — «ботинок Вознесенского», «ботинок Ельцина», тут — «туфелька Майи Плисецкой». Нашел деньги на то, чтобы выпить, чтобы выпить из туфельки Плисецкой, нужна отдельная тысяча долларов. Это очень бесхитростная забава, не требующая никакого вложения сердца. Говорю принципиальные вещи, потому что бессердечный юмор ужасен. Чем в принципе плоха юмористическая эстрада — там все без сердца. ■